

16+

Н. Ланг

Рождённые свободными

Н. Ланг

Рождённые свободными

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Ланг Н.

Рождённые свободными / Н. Ланг — «ЛитРес: Самиздат», 2014

"Рождённые свободными" - суровая и прекрасная история о дружбе, преданности и предательстве, жестокости и милосердии. Жеребец Пегас был продан своим хозяином. Это лишь начало долгого пути к свободе...

© Ланг Н., 2014
© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Горы, словно выпиленные скульптором из мрамора, возвышались над зелёными лугами. В густой белой пологой облаках прятались горные вершины, укутанные роскошными шапками снега. Ещё на заре земной жизни, когда нрав планеты был жесток и крут, а просторы малонаселенны, Бог трудился, создавая новых обитателей дивного сада, каким он задумал землю. Нужен друг и верный соратник для его главного творения – человека. Преданный и надёжный, который бы сопровождал во всех путешествиях, а его прекрасный вид радовал бы глаз человека. И Бог создал лошадь из ветра и солнечного света. Он взял пригоршню ветра, смешал с горсткой солнца. Благодаря ветру, что переполнял её, лошадь могла летать без крыльев, а солнце подарило ей свою энергию. Она резвилась на небесах, среди облаков в райском саду, охраняемом ангелами, не предполагая, что Создатель придумал для неё интересную судьбу.

Бог решил, что место лошади на Земле. Он с любовью отпустил её от себя, как и всякое своё создание. То место, где впервые резвые копыта коня соприкоснулись с твердью земли уже не найти. Его скрыли пески времени, а запах согретой солнцем конской кожи унёс ветер. С тех пор минуло много лет и зим.

Лошадь дарована человеку, как особое благословение. И она была благословением. Лошадиная история насчитывает много сотен лет. Со своим нравом, но верным конём Буцефалом Александр Македонский завоевал половину известного в те далёкие времена мира и разгромил армию персидского царя Дария. Пегас, явивший себя миру из капель крови Медузы Горгоны, до сих пор олицетворяет лошадь, как божество и высшее вдохновение Творца. Да и что такое быстрая русская тройка без резвых скакунов, весело позвякивающих колокольчиками? А сколько лошадей полегло на ратных полях и полях пахотных и не сосчитать вовсе. Лошадь почитали, лошадь унижали, лошадь боготворили. Для великолепных коней отводили целые кладбища и хоронили со всеми почестями. Но так было в стародавние времена. Теперь отношение к лошади изменилось. Поля вспахивают комбайнеры, труд тягловых коней больше не нужен. По булыжным мостовым уже давно не ступают лошадиные копыта, их сменили колеса машин. Как живут сегодня лошади?

Блестевший в холодном зимнем свете иней облепил ветви деревьев, на разлапистых елях громоздились белоснежные пушистые шапки. Зима выдалась лютой, снега выпало много. Лесным обитателям не хватало корма, теперь они стали частыми гостями у окраин деревень. Нет, нет, да и увидят селяне то лося, то лисицу, а то и волк заглянет. Тёмными промозглыми ночами тишину в лесном краю взрывал волчий вой. Грустную песнь затягивал вожак, затем к нему, словно церковный хор, присоединялись остальные члены стаи. Многоголосый и протяжный вой не давал уснуть до самого утра. На излёте зимы, когда ночь и день равны по продолжительности, волки рыскали по округе в поисках пропитания.

Коротким зимним днём на ферме стояла удивительная тишина. Было слышно, как трещат от мороза деревья в лесу. В такой холодный день лишь успеваешь подкидывать дров в печь. Всё село жило ожиданием весны, ожиданием живительного тепла. Маленькое поселение насчитывало десять дворов с деревянными, покосившимися от старости, домиками. Снежинки, усыпавшие дома, мерцали и переливались на солнце, словно новогодние огоньки на праздничной ёлке, создавая хороший сюжет для лубочной картинки.

Из труб валил белый дым, казалось, он мог застыть от холода. Хозяйка одной из избушек, что стояла ближе всех к лесу, растопила печь и готовила сытные пироги. Волки, привлечённые мясным духом и теплом, подошли к границе, что отделяла избу от леса. Небольшая стая из четырех молодых волков затаилась в опасной близости. Двигались они почти бесшумно. Матёрый серый волк, тот что постарше, почитаемый стаей, как вожак, сделал шаг вперёд, ведомый густым запахом. Он выглядел самым крупным из всей стаи. У него были большие лапы, серебристая шкура. Вожак спокоен и собран, он медлил – выходить пока рано. Они устроились наблюдать и ждать, появится ли человек. Долго ждать им не пришлось. Вожак устремил свои

янтарно-жёлтые глаза к горизонту. Словно призраки, сплетённые из морозной голубой дымки, две фигуры приближались к избе.

Старик ехал на жеребце, напевая какой-то старинный лихой мотив. Приблизившись к дому, он спешился и повёл жеребца в поводу к конюшне. Волк буравил глазами коня и человека, который твёрдой поступью зашёл во двор. Затаив дыхание, и, замерев на месте, вожак ждал. Старик не замечал опасности притаившейся в лесу, а конь напрягся и не желал идти в денник.

Улучив момент, вожак бросился на них, оскалив пасть. Человек испугавшись, оцепенел и выпустил поводья из рук. Конь сделал выпад, чем напугал хищника. Но волк не ушёл, лишь прижавшись низко к холодной земле, и, злобно скалясь, рычал. Жеребец настороженно фыркал, из его ноздрей шёл горячий влажный пар, он рыл копытом колючий снег. Казалось, это противостояние хищника и его жертвы могло длиться вечно. Волк не сводил взгляда с грациозной шеи коня, он замер, готовясь к нападению. Конь переступал на месте, но успел вернуться, когда волк с утробным рычанием набросился на него.

Вожак атаковал снова и снова. Но жеребец встал на дыбы, ещё немного и его копыта опустились бы на серую голову волка. Вожак, скаля зубы, отступил, но не сбежал. Конь опустил копыта, прижал уши к голове и стал рыть копытом землю. Противники выжидали, кто же уступит первым. Терпение закончилось у волка, он вновь бросился в атаку, но жеребец упредил его и ударил серого бродягу в бок. Жалобно заскулив, вожак поджал хвост и поспешил скрыться в лесу, укутанном снегом.

– Умница, молодец Пегас, – хозяин ласково потрепал коня за гриву.

Он до сих пор пребывал в замешательстве и совершенно забыл о ружье, что хранилось в сарае.

Пегас – пятилетний жеребец гнедой масти. Его окрас был тёмно-коричневым, как горький шоколад. Он принадлежал к редкой и малочисленной вятской породе, оттого держался гордо и обособленно. Благодаря своей энергичности и выносливости, такие лошади высоко ценились в старину, Пегас был невысок ростом, но крепок сложением и коренаст: широкая холка, короткая шея, прямая спина и средние по длине ноги с небольшими копытами. Голова жеребца среднего размера, широколобая с прямым красивым профилем, большими ганашами довершала экстерьер. Из– под роскошной чёрной гривы выглядывала пара добрых блестящих глаз.

Старик взял Пегаса маленьким годовалым жеребчиком, на замену умершей от старости кобыле Фиалке. Построил собственноручно для жеребца денник большой и светлый, смастерил тёплый деревянный настил и сделал окошко, чтобы Пегас мог видеть дневной свет, наблюдать за жизнью вокруг. Что и делал Пегас, обладая живым и любознательным характером. Ему было интересно всё. Он рос быстро и нередко показывал свой нрав. Старик нянчился с ним и выпестовал его, будто он его внук. Никогда не привязывал, когда тот находился в деннике. И редко использовал седло, чему Пегас был несказанно рад. Старик использовал седло только для дальних конных прогулок или поездок в ближайший райцентр.

Хозяин заботился о Пегасе, укутал его в шерстяную попону, и, бережно взяв за чумбур, повёл в денник. Скотный двор их маленького хозяйства насчитывал одну корову, пару гусей, десяток кур, две свиньи с несколькими поросятами.

Сумерки спустились рано. На широком синем полотне неба, словно пришитые алмазы, блистали звёзды. В морозной тишине потрескивали деревья. Где-то в глубине леса раздался одинокий тягучий вой. Теперь волки не подходили близко к деревне, напуганные столь яростным отпором.

Зимой все дни похожи друг на друга. В пять утра, когда до восхода солнца было ещё далеко, в хлев заходила хозяйка. Старушка, закутавшись в шаль и телогрейку, доила только отелившуюся корову, затем отпаивала телят, а оставшееся молоко сливала в ведро и уносила в

избу. Она задавала много сена и комбикорма своей любимой коровушке. Чуть позже приходил старик, он кормил гусей, кур и свиней, но с большей охотой он заботился о своём любимце Пегасе. Для коня он обычно приносил какое-нибудь лакомство: разрезанную вдоль морковь; яблоки, припасённые с осени; подсушенный хлеб, который выпекала хозяйка; редко диковинные сухофрукты, особенно любимый Пегасом банан или пару кусочков рафинада.

Животные были вдоволь накормлены, а потому сытые они не боялись мороза, что установился после крещения и держал свои позиции уже второй месяц к ряду.

В течение дня фермеры добавляли корма и воды на кормостолы. Старик отпускал Пегаса погулять в огороженный загон, укутав в попону, но не выпускал за ограду, так он мог наблюдать за Пегасом. По обыкновению, жеребец гулял, добывал себе корм под снегом или просто купался в сугробах. Старик в это время убирал в хлеву, чистил денник. Зимой в деревне тихо, лишь изредка кто-то проезжавший на буране, тревожил обитателей деревни. Старуха пекла пироги, варила супы и готовила корм для скота. Так проходила большая часть дня, а вечером, покончив с дневными заботами, старики усаживались перед телевизором. Долгие часы они проводили в обществе друг друга, могли подолгу молчать, потому что все слова уже давно сказаны. Старуха, по привычке, читала одну из старых потрепанных книг, она любила цитировать интересные строки:

"Степь родимая! Горький ветер, оседающий на гривах косячных маток и жеребцов. На сухом конском храпе от ветра солоно, и конь, вдыхая горько-соленый запах, жуёт шелковистыми губами и ржёт, чувствуя на них привкус ветра и солнца. Родимая степь под низким донским небом! Вилюжины балок, суходолов, красноглинистых яров, ковыльный простор с затравевшим гнездоватым следом конского копыта, курганы в мудром молчании, берегущие зарытую казачью славу... Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачьей, не ржавеющей кровью политая степь!"¹

Старуха любовно посмотрела на седовласого старца, своего верного мужа и мечтательно улыбнулась, вспомнив, как красива степь летом. Улыбка коснулась обветренных губ старика, когда и он вспомнил о широких степных просторах, до которых рукой подать. Сейчас холодной зимней ночью покоится степь под глубоким снежным саваном, ожидая возрождения после долгой зимней летаргии. Небо раскинулось чистое и звёздное, словно какой – то волшебник подул на ладонь, где была рассыпана пыль, так образовались звёзды.

Некогда большое крестьянско – фермерское хозяйство пришло в упадок. Раньше здесь производили говядину, свинину, выращивали гусей, куриц, делали вкуснейшую во всей области колбасу. Также на плодородных землях выращивалось несколько сортов пшеницы и ржи, а рядом с фермой располагалась большая коневодческая ферма. Здесь трудились больше сотни фермеров, они ухаживали за скотом, возделывали землю. Но годы шли и юное поколение, чуть подрастая, покидало родные места. Ехали покорять города, искать лучшей участи. Когда остались лишь старики, стало ясно – село умирает и совсем скоро будет существовать только на карте.

Предыдущая осень была скудной на урожай. Старик заготовил ничтожно мало сена и корма для скота. Его заготовок едва хватило, чтобы перезимовать, весной комбикорм и овёс пришлось докупать, на это ушли последние деньги. Старик ездил в город на рынок, чтобы продавать консервы, которые за лето успела сделать старуха. Он складывал в большой рюкзак щедро приправленную пряностями колбасу, которую жена готовила по старинным рецептам, доставшимся ей ещё от матери, собирал соленья в дорожные сумки. Рано утром, задав Пегасу больше сена и овса, он отправлялся на автобусную остановку. Потом он стоял на рынке, где многие предприимчивые люди предлагали свой товар. Обычно это приносило небольшой, но

¹ Шолохов Михаил Александрович; *Тихий Дон. Кн. 3 – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 50*

стабильный доход. Сейчас же почти никто особо не интересовался консервами и колбасой, поэтому он заработал сущие гроши.

– Я нынче мало продал твоих сливовых компотов, лишь несколько колбас купили, когда я скинул цену, – сокрушался старик.

Хозяйка поставила перед ним тарелку с дымившимся супом. На столе громоздились румяные, ещё горячие пирожки, малосольные огурцы и крынка свежего молока.

– Нам нужно чем-то платить за корм, за аренду машин. Давай уедем к детям. Ведь старший – то уж давно зовёт к себе, – предложила женщина.

– Ну что ты такое говоришь? Как я могу бросить, то над чем годами работал. К тому же, я не могу просто взять и отдать кому-то Пегаса.

– Но я ведь продала уже половину своих кур и козу, – упрекнула его старуха. – Давай продадим Пегаса, на него уже давно заглядывалась Зинаида Головина.

– Но как я могу, – старик раздосадовано, покачал головой.

– Можешь, – старуха стояла на своём. Она налила ему горячего душистого чая из трав.

– Нет, – упрямылся старик, но он никогда не умел спорить с женой и теперь его голос стал слабым и неуверенным.

Ему предстояло решить, возможно, самую сложную дилемму на свете – отказаться от своего друга или прозябать в нищете.

Лето выдалось знойным и душным. На лазурном небе ни облачка. Комары и прочий гнус не давали покоя, жужжали и крутились рядом. Цветущие пышным цветом яблони источали чудный сладкий аромат. День располагал к прогулкам. Закончив с делами, старик решил совершить конную прогулку по деревне, заодно осмотреть поле, где посеял рожь.

Старик с зимы мучился болями в спине, он даже не мог забраться в седло. Пегас фыркнул и тронул плечо сгорбившегося старика. Старик улыбнулся с благодарностью, а жеребец без понуканий и приказов склонился перед ним, предлагая сесть в седло. Тяжело, потеряв былую гибкость и быстроту действий, старец взгромоздился на спину коня.

Путь их был недолгим, они быстро объехали ферму. Хозяин осмотрел владения, и кажется, остался недоволен, рожь не давала всхода, а та которая взошла быстро засыхала. Пегас спиной и боками почувствовал, как напрягся хозяин.

Ферма приходила в упадок, необходимы были деньги, чтобы спасти то, что осталось. Изба покосилась и в одиночку он не сможет её починить. Сыновья хоть и заботились о них, звонили часто, иногда приезжали, но с ремонтом дома помочь отказывались. Они звали к себе, жить в городе. Так поступали многие в этих краях. Соседи, состарившись, потихоньку перебирались к детям. Осталось всего лишь десять семей, да и те потихоньку исчезали. Старика претила городская жизнь с её ненужной суматохой, высотными зданиями и шумом машин.

Дома никому не нужные, заброшенные, быстро ветшали и приходили в упадок. Их было много, таких домов – призраков, что смотрели на мир разбитыми стеклами окон. Раньше, когда стариков приезжали навестить внуки, округу оглашал беззаботный детский смех. Скрипели качели, кто-то из сорванцов играл в мяч. Село оживало, и старики на мгновение чувствовали себя молодыми. Но несколько лет подряд никто не приезжал, село оставляло старое поколение, на котором держалось хозяйство, а молодые в сельскую местность переезжать не спешили.

В деревне теперь властвовала тишина, не было ни детского смеха, ни привычного говора молодых. Старожилы многое связывало с деревней. Ведь здесь прошла их юность, здесь они растили детей, работали и радовались, что пшеница уродилась знатная, а коровы дают много молока. Они видели плоды собственных трудов, и это приносило им счастье, простое и незатейливое.

Вот уже и край деревни показался. На самой окраине, где и в былые времена боялись бывать люди, находилось кладбище. Если раньше за погостом ухаживали, то теперь старин-

ные гранитные плиты покрылись плотным слоем мха, а могилы поросли бурьяном высотой в половину человеческого роста. Сюда редко заходили люди, а если кто-то заглядывал, то спешил покинуть эту мрачную юдоль скорби. Рядом с деревней ближе к южным её границам простёрлось озеро. Оно некогда славилось кристально-чистыми водами, в глубине которых обитала разная рыба. Сегодня путник, случайно забредший в эту часть деревни, нашёл бы почти иссохший маленький пруд, где не водилось ни одной даже маленькой рыбы. Озеро вместе с деревней умирало.

Старик с нежностью погладил мордочку коня, дотронулся до мокрого носа и достал из кармана сладкую морковку. Жеребец доверчиво кормился с его рук.

– Кушай, кушай, Пегас, – он потрепал коня за гриву. – Скоро простимся с тобой.

Старик смахнул с уголков глаз замершие слёзы и поцеловал коня. Не было на свете существа ближе по духу. Старик ещё помнил, как Пегас спас его от напавшего голодного волка. Он был обязан жеребцу жизнью.

– Ничего, всё образуется, – сказал старик и улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.